

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1920–1930-е ГОДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. КАНГАСПУРО И Н. БАРОНА

А. В. Голубев

Петрозаводский государственный университет

В последние годы в западной историографии возрастает внимание к истории Советской Карелии первых двух десятилетий ее существования, о чем, в частности, свидетельствует целая серия диссертационных работ [Kauprала, 1992; Autio, 2002; Ylikangas, 2004]. В этом ряду особый интерес представляют две диссертации, авторы которых выдвинули свои концепции истории Карелии в 1920–1930-е гг. Это работа финского историка Маркку Кангаспуоро (Александровский институт Университета Хельсинки) «Борьба Советской Карелии за самоуправление. Национализм и красные финны во властных практиках в СССР, 1920–1939» и монография британского историка Ника Барона (Университет Ноттингема) «Советская Карелия. Политика, планирование и репрессии в сталинской России, 1920–1939». Сравнительному анализу этих работ и посвящена данная статья.

Монография Маркку Кангаспуоро [Kangaspuuro, 2000] была опубликована в 2000 г. в престижной серии Финского литературного общества «Bibliotheca Historica» в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора философии. Монография состоит из 12 разделов (введение, главы «Чья Карелия», «Российская революция», «Основание Карельской трудовой коммуны», «Борьба за автономию», «Финская карелизация в 1920-е гг.», «Упразднение экономической автономии», «Финнизация», «Поворот», «Русский национализм» и «Русификация», заключение), а также дополнительных материа-

лов, включающих список библиографии и источников, указатель имен и аббревиатур, карты и иллюстрации, резюме на английском языке. Источниковой базой исследования послужили документы из финских и российских (московских и петрозаводских) архивов, а также значительный массив опубликованных источников, включая материалы русскоязычной и финскоязычной прессы Карелии. Многие из этих материалов были введены в научный оборот впервые – в частности, для отечественных историков это наиболее актуально в отношении документов из финляндских архивов.

Монография Ника Барона [Baron, 2007] была опубликована в 2007 г. в рамках не менее престижной серии британского издательства «Routledge», посвященной российским и восточноевропейским исследованиям («BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies»). Она также основана на докторской диссертации автора, защищенной в Университете Бирмингема в 2001 г. Монография состоит из 8 разделов (введение, главы «„Темная, отсталая и подавляемая периферия“: истории карельского пространства», «„Скандинавский революционный центр“: государственные и внутренние границы и географические амбиции, 1920-8», «Пределы автономии: финансирование, планирование и население, 1920-8», «„Вопрос выживания“: централизация и контроль регионального пространства, 1928-32», «„Урало-Кузнецкий комбинат меньшего масштаба“:

взгляды на региональное развитие и его реалии, 1933-7», «„Республиканский НКВД уничтожил все наши кадры“: репрессии на периферии, 1935-9» и заключение) и дополнительных материалов: таблиц, иллюстраций, библиографии и справочного указателя. В отличие от монографии Маркку Кангаспуру, Ник Барон использует финскоязычные источники в незначительной степени (хотя он очень хорошо знаком с финской историографией), основной массив его источников – это материалы из архивов Москвы и Петрозаводска, а также опубликованные источники и русскоязычная пресса.

Обе работы отличает повышенное внимание к методологии, что и позволяет авторам выдвинуть свои концепции в изучении истории Советской Карелии. Методологической базой монографии Маркку Кангаспуру являются современные теории национализма. История Советской Карелии в 1920–1930-е гг. рассматривается им через оппозицию русского национализма, которого, по его мнению, придерживалось в своей политике центральное советское руководство (в частности, Сталин), и местного финского национализма, который он считает основной идеологией финского руководства Советской Карелии и, в частности, Эдварда Гюллинга, возглавлявшего республику с 1920 по 1935 г. Во введении к своей монографии М. Кангаспуру пишет, что целью создания Советского Союза было не строительство действительно федерального государства, сохранившего бы все особенности сформировавшихся его национальных республик, а «централизованное, общее социалистическое государство, лишённое национальных различий и идентичностей» [Kangaspuro, 2000. S. 10]. Эта точка зрения позволяет ему представить именно оппозицию центра и периферии в области национальной политики как фундаментальную, определяющую все аспекты развития советского государства в 1920–1930-е гг. Через эту оппозицию, в первую очередь, и изучается история Карелии как региона, отразившего наиболее специфические черты взаимоотношений между русским центром и национальными перифериями [Kangaspuro, 2000. S. 9–11]. Собственно методологические и понятийные основания исследования изложены им в разделах «Национализм и рождение национальных государств» («Nationalismi ja kansallisvaltioiden synty») [Kangaspuro, 2000. S. 14–19] и «Национализм как проблема и решение» («Nationalismi ongelmana ja ratkaisuna») [Kangaspuro, 2000. S. 26–31].

Для Ника Барона методологической базой, посредством которой он формирует свое понимание истории Карелии в данный период,

стала *spatial history* – направление в современной англо-американской исторической науке, которое имеет определенное отношение к исторической географии, но в отличие от нее работает с более абстрактными понятиями пространства, что делает уместным использование калькированного термина *пространственная история*. Вот как сам автор определяет особенности своего метода в отличие от традиционной исторической географии: пространственная история характеризуется «особым интересом к взаимодействию пространства с человеческой деятельностью, <в котором> роль посредника выполняют пространственные практики, заданные культурой». В этом отношении свою монографию он определяет как «„культурный“ анализ эволюции советского административного, экономического и политического пространства посредством пространственного планирования и политики» [Baron, 2007. P. 4]. Ника Барона, в первую очередь, интересует то, как **видение** советского пространства руководством страны воплощалось на практике, в форме управления обширными периферийными территориями, что и является предметом его исследования. Советская Карелия выбрана им как объект исследования в качестве примера, так как ее уникальное положение в системе советского пространства позволило ему выделить основные особенности пространственной политики советского государства в 1920–1930-е гг.

Таким образом, для обоих авторов характерна тенденция к генерализации: оба стремятся рассмотреть Карелию в контексте тенденций, присущих всему Советскому Союзу, и тем самым расширить предметные рамки исследования до анализа если не всей советской истории 1920–1930-х гг., то хотя ее общих тенденций. Иными словами, у Ника Барона и Маркку Кангаспуру один объект исследования (Советская Карелия периода 1920–1930-х гг.), но разный предмет – освоение периферийного пространства советским руководством в первом случае и конфликт русского националистического центра с периферийным (финским) националистическим руководством во втором. При этом работы обоих авторов совершенно явно вписываются в контекст современных исследований по советской национальной и региональной политике, развивая – и в чем-то оспаривая – идеи, выдвинутые на общесоветском материале в работах таких историков, как Терри Мартин, Элен Карер д'Анкос, Франсин Хирш и др.

Совершенно различной является и предыстория изучаемой проблемы. У М. Кангаспуру это краткий очерк взглядов большевиков на

национальное строительство в новом социалистическом государстве (глава «Российская революция»). В «Советской Карелии» Н. Барон в качестве предыстории раскрывает то, как менялась территория и политическая и экономическая роль Карелии (в первую очередь, ее русской части) в различные исторические периоды, делая особый акцент на идеологической борьбе между имперскими властями и финляндскими националистическими движениями, развернувшейся в северной (Беломорской) Карелии на рубеже XIX–XX вв. И в дальнейшем, если для Маркку Кангаспуру при анализе советской национальной политики характерны отсылки к изменявшимся взаимоотношениям между Москвой и союзными республиками (в первую очередь, Украинской ССР), которые формировали практику национальной политики в СССР, то Ник Барон в качестве подобного исторического фона рассказывает об изменяющихся пространственных концепциях советского руководства: государственных и внутренних границ, принципов районирования, транспортной инфраструктуры и пр.

Существенные различия в предложенных концепциях карельской истории обусловлены и позицией авторов. Ник Барон, представляющий британскую историческую традицию, не связан с историческим контекстом российско-финляндских отношений, поэтому он больше абстрагируется от своего предмета. Это, в частности, и проявляется в выборе им метода исследования – применение методов пространственной истории требует значительного исторического и, по возможности, географического отдаления от изучаемого объекта. Работа Маркку Кангаспуру написана в рамках финляндской историографической традиции, что очевидным образом актуализирует именно националистический подход к изучению истории Советской Карелии в 1920–1930-е гг., поскольку большую часть этого периода в руководстве республики доминировали красные финны. Кроме того, его исследование создавалось, в первую очередь, на материале финскоязычных источников (как правило, созданных самими красными финнами), поэтому в своей работе он акцентирует большее внимание на финском факторе в истории Карелии. Даже сама формулировка подзаголовка его монографии – «Национализм и красные финны во властных практиках в СССР, 1920–1939» – является своеобразным предупреждением о том, что в его изложении история Карелии в межвоенный период будет, в первую очередь, финской историей, и именно борьбу финского руководства республики за политические и

экономические привилегии М. Кангаспуру называет «борьбой Советской Карелии за самоуправление»: «Основная проблема моего исследования заключается в следующем: как союзное государство, или центр, и Советская Карелия, или периферия, использовали национализм в государственном строительстве» [Kangaspuuro, 2000. S. 26].

Поскольку пространственная история как метод выросла из политической и экономической географии, наиболее пристальное внимание Ник Барон уделяет тому, как разные политические силы боролись за контроль над ресурсами республики, поскольку ее развитие во многом обуславливалось именно тем, кто и как контролировал ресурсы края (под ресурсами понимаются не только природные ресурсы, но и инфраструктура, население и сама власть). Не ограничиваясь стандартной оппозицией центра и периферии, Ник Барон выделяет различные силы как внутри «центра» (руководство ВКП(б), ОГПУ, ленинградский обком ВКП(б), командование Ленинградского военного округа), так и «периферии» (красные финны, руководство Олонецкого губкома РКП(б), администрация Мурманской железной дороги), что демонстрирует всю сложность взаимоотношений между различными политическими и экономическими элитами, определявшими развитие Карелии. Маркку Кангаспуру, напротив, делает акцент на оппозиции «русский центр – национальная периферия», поэтому большую часть своей работы он посвящает изучению политических процессов в Карелии (в первую очередь, национальной политике в республике). Отсюда повышенное внимание к политическим проектам финского руководства Карелии (проекту конституции КАССР, Карельскому егерскому батальону и пр.), языковой политике, взаимоотношениям между красными финнами и оппозиционными им группами в карельской политической элите и т. д.

Однако во многих случаях два столь различных метода приводят исследователей к целому ряду близких по сути выводов. Так, рассуждая о специфике отношений между центром и периферией на примере Карелии, Маркку Кангаспуру отмечает, что Карелия возникла как результат финского фактора, причем возникла как национальная автономия, к формированию которой были определены предпосылки, но которое было движением «сверху» (со стороны новых политических элит) больше, чем движением «снизу» (со стороны населения Карелии – как собственно национального, т. е. карелов, так и тем более русских) [Kangaspuuro, 2000. S. 30]. В контексте национальной поли-

тики советского правительства постановка финского руководства во главе Карелии отражала действительность, только не реальную (поскольку Карелия, в отличие от Финляндии, не была моноэтнической территорией), а сконструированную еще до революции 1917 г. финской элитой, а потом поддержанной красными финнами. Этим вызвано повышенное внимание, которое М. Кангаспуро уделяет «красной финномании Гюллинга» [Kangaspuro, 2000. S. 43–46]. Ведь именно благодаря и активной внешнеполитической позиции белого финляндского руководства, и взглядам красных финнов – а они совпадали в вопросе об исторической общности финских и карельских территорий – среди руководства большевиков Карелия действительно могла рассматриваться как преимущественно национальная окраина, во главе которой нужно было поставить национальное руководство, хотя уже с сентября 1922 г., после включения Пудожского уезда в состав КТК, национальным большинством в КТК были русские.

К схожему выводу приходит и Ник Барон, анализируя специфику восприятия Советской Карелии красными финнами. Он пишет, что во взглядах Эдварда Гюллинга «пространственная ориентация» Карелии была, безусловно, направлена на Запад, и это позволило ему изобразить Советскую Карелию как «революционный центр» в пространстве Северной Европы. Эта концепция, в действительности выросшая из взглядов Гюллинга, привлекла внимание Ленина и, среди ряда прагматических целей, стала одной из причин, легших в основание КТК летом 1920 г. [Baron, 2007. P. 21–23]. Остается вопрос, насколько эти взгляды Гюллинга были националистическими, а насколько – интернационалистическими. В пользу первого свидетельствуют высказывания Гюллинга об «общности» карельского и финского народов, в пользу второго – проект скандинавской советской республики, о которой Гюлинг, в частности, писал в известном письме Ю. Сиrolа от 24 марта 1920 г. [Гюлинг, 2000].

Таким образом, отношения «русский центр – национальная периферия» были реализованы в Карелии в том виде, в котором они отражали взгляды красных финнов (и в первую очередь Э. Гюллинга). Центральные власти относились к руководству Карелии как к «националам», хотя сами финны были в составе населения республики абсолютным меньшинством. Эта ситуация требовала от финского руководства Карелии постоянных усилий для легитимизации своей власти, что также подробно раскрывается в монографии М. Кангаспуро.

В 1920-х гг. Гюллингу, используя созданный им же стереотип о карело-финской общности, удалось добиться автономных прав и привилегий для Карелии. С другой стороны, эта же ситуация вела к неминуемым противоречиям в отношениях с другими властными структурами, в первую очередь, с органами безопасности, у которых были совершенно иные взгляды на специфику Карелии как приграничной территории, о чем более подробно рассказывает уже работа Н. Барона. В конечном итоге, карельская автономия как эксперимент – национальный (по Кангаспуро) и экономический (по Барону) – стала входить во все больший диссонанс с общими тенденциями развития СССР, и в этих условиях советское руководство приняло меры по ее фактическому устранению.

Обе работы отличаются глубоким анализом, вдумчивым отношением к источникам, оригинальными и интересными выводами. Рассматривая историю Карелии 1920–1930-х гг. с разных точек зрения, они прекрасно дополняют друг друга. Изучение работы М. Кангаспуро раскроет читателю в большей степени те аспекты карельской истории, которые были связаны с вопросами национальной и культурной политики, а чтение «Советской Карелии» Н. Барона покажет историю Карелии сквозь призму ее меняющегося места в управленческих, экономических и общеполитических тенденциях развития СССР. Там, где повествование обеих работ пересекается, они, как правило, подтверждают выводы друг друга.

Монографии М. Кангаспуро и Н. Барона являются прекрасным дополнением к историографии Советской Карелии довоенного периода. В качестве заключения хотелось бы отметить, что их с практически всеми другими работами, посвященными карельской истории этого периода, объединяет такой общий знаменатель, как власть. Обе монографии показывают историю Карелии с точки зрения правящих элит, поскольку их источниковой базой являются документы официального характера. Если сравнить предложенные авторами концепции с другими подходами, выработанными в работах М. И. Шумилова, Ю. М. Килина, И. Р. Такала, А. А. Левкоева, А. И. Бутвило и других исследователей, получится многогранная и полная картина истории Карелии «сверху». В то же время не менее интересная исследовательская область – история Карелии «снизу» – остается в настоящее время фактически нераскрытой. Возможно, именно в этой области открывается простор для следующих исследований и новых, не менее плодотворных концепций.

Литература

Голлинг Э. Письмо Ю. Сирола // Карелия. 2000. 7 июня.

Autio S. Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki: SKS, 2002. 398 s.

Baron N. Soviet Karelia. Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920–1939. London: Routledge, 2007. 332 p.

Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallin-

nosta: Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä vuosina 1920–1939. Helsinki: SKS, 2000. 402 s.

Kauppala P. Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung und Schicksal eines sozialistischen Regional-experiments: диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Фрайбург, 1992. 233 s.

Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen kontrolli Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki: Aleksanteri-instituutti, 2004. 493 s.